

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ
ОЛИЙ ВА ЎРТА МАХСУС ТАЪЛИМ ВАЗИРЛИГИ

ФАРҒОНА ДАВЛАТ УНИВЕРСИТЕТИ

**FarDU.
ILMIY
XABARLAR-**

1995 йилдан нашр этилади
Йилда 6 марта чиқади

5-2021

**НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
ФерГУ**

Издаётся с 1995 года
Выходит 6 раз в год

Муассис: Фарғона давлат университети.

«FarDU. ILMİY XABARLAR – НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК. ФерГУ» журналі бир йилда олти марта чоп этилади.

Журнал филология, кимё ҳамда тарих фанлари бўйича Ўзбекистон Республикаси Олий аттестация комиссиясининг докторлик диссертациялари асосий илмий натижаларини чоп этиш тавсия этилган илмий нашрлар рўйхатига киритилган.

Журналдан мақола кўчириб босилганда, манба кўрсатилиши шарт.

Ўзбекистон Республикаси Президенти Администрацияси ҳузуридаги Ахборот ва оммавий коммуникациялар агентлиги томонидан 2020 йил 2 сентябрда 1109 рақами билан рўйхатга олинган.

Муқова дизайни ва оригинал макет ФарДУ таҳририят-нашриёт бўлимида тайёрланди.

Таҳрир ҳайъати

Бош муҳаррир
Масъул муҳаррир

ШЕРМУҲАММАДОВ Б.Ш.
ЗОКИРОВ И.И

ФАРМОҢОВ Ш. (Ўзбекистон)

БЕЗГУЛОВА О.С. (Россия)

РАШИДОВА С. (Ўзбекистон)

ВАЛИ САВАШ ЙЕЛЕК (Туркия)

ЗАЙНОБИДДИНОВ С. (Ўзбекистон)

JEHAN SHANZADAN NAYYAR (Япония)

LEEDONG WOOK. (Жанубий Корея)

АЪЗАМОВ А. (Ўзбекистон)

КЛАУС ХАЙНСГЕН (Германия)

БАХОДИРХОНОВ К. (Ўзбекистон)

ҒУЛОМОВ С.С. (Ўзбекистон)

БЕРДЫШЕВ А.С. (Қозоғистон)

КАРИМОВ Н.Ф. (Ўзбекистон)

ЧЕСТМИР ШТУКА (Словакия)

ТОЖИБОЕВ К. (Ўзбекистон)

Таҳририят кенгаши

ҚОРАБОЕВ М. (Ўзбекистон)

ОТАЖОНОВ С. (Ўзбекистон)

ЎРИНОВ А.Қ. (Ўзбекистон)

РАСУЛОВ Р. (Ўзбекистон)

ОНАРҚУЛОВ К. (Ўзбекистон)

ГАЗИЕВ Қ. (Ўзбекистон)

ЮЛДАШЕВ Г. (Ўзбекистон)

ХОМИДОВ Ф. (Ўзбекистон)

АСҚАРОВ И. (Ўзбекистон)

ИБРАГИМОВ А. (Ўзбекистон)

ИСАҒАЛИЕВ М. (Ўзбекистон)

ТУРДАЛИЕВ А. (Ўзбекистон)

АХМАДАЛИЕВ Ю. (Ўзбекистон)

МЎМИНОВ С. (Ўзбекистон)

МАМАЖОНОВ А. (Ўзбекистон)

ИСКАНДАРОВА Ш. (Ўзбекистон)

ШУКУРОВ Р. (Ўзбекистон)

ЮЛДАШЕВА Д. (Ўзбекистон)

ЖЎРАЕВ Х. (Ўзбекистон)

КАСИМОВ А. (Ўзбекистон)

САБИРДИНОВ А. (Ўзбекистон)

ХОШИМОВА Н. (Ўзбекистон)

ҒОФУРОВ А. (Ўзбекистон)

АДҲАМОВ М. (Ўзбекистон)

ЎРИНОВ А.А. (Ўзбекистон)

ХОНКЕЛДИЕВ Ш. (Ўзбекистон)

ЭГАМБЕРДИЕВА Т. (Ўзбекистон)

ИСОМИДДИНОВ М. (Ўзбекистон)

УСМОНОВ Б. (Ўзбекистон)

АШИРОВ А. (Ўзбекистон)

МАМАТОВ М. (Ўзбекистон)

ХАКИМОВ Н. (Ўзбекистон)

БАРАТОВ М. (Ўзбекистон)

ОРИПОВ А. (Ўзбекистон)

Муҳаррирлар: Ташматова Т.
Жўрабоева Г.
Шералиева Ж.

Таҳририят манзили:

150100, Фарғона шаҳри, Мураббийлар кўчаси, 19-уй.
Тел.: (0373) 244-44-57. Мобил тел.: (+99891) 670-74-60
Сайт: www.fdu.uz

Босишга рухсат этилди:

Қоғоз бичими: - 60×84 1/8

Босма табоғи:

Офсет босма: Офсет қоғози.

Адади: 50 нусха

Буюртма №

ФарДУ нусха кўпайтириш бўлимида чоп этилди.

Манзил: 150100, Фарғона ш., Мураббийлар кўчаси, 19-уй.

Фарғона,
2021.

Аниқ ва табиий фанлар

МАТЕМАТИКА

А.Ўринов, Д.Усмонов Гиперболик типдаги бузиладиган иккинчи тур тенглама учун Коши-Гурса масаласи	6
А.Ғойипов Бир номаълумли модулли тенгламаларни ечишнинг бир усули ҳақида	18

КИМЁ

Х.Юлдашев, Ю.Мансуров Автомобиль чиқинди газларини каталитик тозалаш	25
Ғ.Мадраҳимов, М.Ҳожиматов, И.Асқаров 1-(2-карбокисфенил)-1'-п-метил оксиферроценил тизоамид синтези ва унинг биостимуляторлик хоссалари	31
Ш.Каримов, Н.Хабибуллаева, А.Хаитбаев <i>Leptinotarsa decemlineata</i> (Say) таркибидан хитозан ажратиш олиш	36
И.Асқаров, Ф.Абдугаппаров, М.Хожиматов Амигдалиннинг кимёвий хоссалари ва инсон саломатлигига таъсири	42
А.Йўлчиев, К.Джамолов, И.Асқаров, М.Мўминов Мувозанатлаштирилган гранулаланган омихта ем таркибини бойитиш	49
Х.Исмоилов, О.Саримсоқов, С.Хайдаров Пахта пневмотранспорти учун материал ўтказгич конструкциясини ишлаб чиқиш	53
У.Мараимова, И.Жалолов, Г.Бегматова, С.Арипова Ўзбекистонда ўсадиган <i>goetmeria hybrida</i> даги кимёвий элементларнинг микдорий таркибини аниқлаш	57

Ижтимоий-гуманитар фанлар

Г.Халматжанова, А.Ғофуров Кластер тизими ривожда сув ресурслари салоҳиятини ошириш	62
--	----

ФАЛСАФА, СИЁСАТ

И.Сиддиқов Ўрта асрлар ислом гносеологияси ва теологиясининг ўзаро синтезлашуви	68
---	----

ТАРИХ

М.Исамиддинов Қадимги Марғиёна ва Бақтрия ҳудудидаги яз-II археологик комплексларини даврлаштириш масалалари	75
И.Мамадалиев, Тим Брэгер Ўрта Осиё Россия империяси таркибида	79
Р.Арслонзода Ўзбекистонда мактаб тарих таълими тизимининг шаклланиши	85
А.Йўлдашев XX асрнинг 20-йилларида европада таълим олган ўзбек қизи	90
Д.Абдуллаев XX асрда Ўзбекистон аҳолиси тақдирланишининг архив манбаларида акс эттирилиши	95
Н.Рахматова Мустақил Ўзбекистонда тадбиркорликни ривожлантиришда каштачилик ва касаначиликнинг ўрни	102

ЎРТА ОСИЁ РОССИЯ ИМПЕРИЯСИ ТАРКИБИДА
(тарихшунослик жиҳати)

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(историографический аспект)

CENTRAL ASIA IN THE RUSSIAN EMPIRE
(historiographic aspect)

Мамадалиев Иномджон Абдусатторович¹, Тим Брэгер¹

¹Мамадалиев Иномджон Абдусатторович

– Худжандский государственный университет,
доктор исторических наук, профессор.

¹Тим Брэгер

– независимый исследователь.

Аннотация

Мақолада Ўрта Осиёнинг Россия империяси таркибидаги даври тарихий тадқиқотларда акс этиши таъсирчан ва таҳлил этилган.

Аннотация

В статье описывается и анализируется отражение Средней Азии в исследованиях исторического периода в составе Российской империи.

Annotation

The article describes and analyzes the reflection of the period of Central Asia within the Russian Empire in historical research.

Таянч сўз ва иборалар: Ўрта Осиё, Россия империяси, Туркистон генерал-губернаторлиги, тарихшунослик ақцепти.

Ключевые слова и выражения: Средняя Азия, Российская империя, Туркестанское генерал-губернаторство, историографический аспект.

Key words and expressions: Central Asia, Russian Empire, Governor-General of Turkestan, historiographical acceptance.

Несмотря на прошедшее большого срока, комплекс вопросов – предпосылки, причины, а также последствия завоевания Средней Азии со стороны России, как в прошлом, так и в настоящем, привлекают особое внимание историков-исследователей. Поскольку, как утверждают историки, еще в первой половине XIX века, еще задолго до русского военного проникновения в самую Россию, а особенно в высших кругах, не бытовало единого мнения относительно предпринимаемых мер, направленных на решение среднеазиатского вопроса [5,150]. Уместно возникает логический вопрос – почему сценарий развивался таким образом? А ответить можно следующим образом: во-первых, потому что выработку программы действий в Средней Азии тормозили разногласия между центральным правительством и местными властями. Во-вторых, опасения спровоцировать конфликт не только с великодержавной Англией, но и с Китаем, где одновременно старались удовлетворить свои претензии несколько стран. В-третьих, помимо этого слабая осведомленность о внутренней обстановке в среднеазиатских государствах.

Новая, последняя и самая богатая колония России, названная с начала Туркестанская область в 1865 г., затем Туркестанское генерал-губернаторство, официально оформленное в 1867 г. была больше, чем территории Австро-Венгрии, Германии и Франции вместе взятые [13,120-140]. Завоевав Среднюю Азию, Россия значительно укрепила свои военно-политические и дипломатические позиции, прежде всего среди колониальных держав, и получила ряд очевидных выгод: выход на населенное казахами и туркменами побережье Каспийского моря и границам с Афганистаном, Китаем, Ираном, Индией [8,9].

К сожалению, эта проблема рассматривалась как в советской, так и в современной историографии только с точки зрения интересов региона, всесторонне эксплуатируемого метрополией в качестве колонии. Очень редки исследования этой проблемы в ракурсе международных отношений. Предлагаемый исторический аспект тесно переплетается также с этнополитическими процессами в период двух управлений, сначала Российской империи, а затем Советского общества, которое и

определило межнациональные отношения.

Пребывание России в Средней Азии, царская политика, проводимая в крае, приспособление российской экономики к ресурсам региона и, наоборот, приспособление сырьевой базы края к технологическим возможностям России, – все это само по себе было проявлением процесса смыкания частей Европы и Азии и сплава двух видов экономических культур. Влияние европеизации имело и негативный, и позитивный характер. Если вхождение в Среднюю Азию российского и через Россию – европейского капитала вызвало кардинальные изменения в экономике, то население терпело тяготы от неконкурентоспособности своей деятельности [2,167].

Следует отметить, что в национальной историографии Средней Азии немало работ, статей, монографий и диссертаций, которые в том или ином ракурсе рассматривают этот период.

Особое место в историографии вопроса, «Россия в Средней Азии», принадлежит советским историкам. В теоретико-методологическом плане, первая попытка противопоставить марксистскую историографию с дворянско-буржуазной (можно сказать родоначальником становления советской концепции в историографии с позиции советской методологии – *И.М.*) сделал М.Н. Покровский [15,330]. Как он отмечал, «Единственный объективный научный метод, ведущий к открытию того, что есть на самом деле, есть марксистский метод» [4; 5,151].

Конечно, с одной стороны он был прав, но он был прав с позиции 20-30 годов (XX века), когда и утвердилась марксистско-ленинско-сталинская методология, и он не смог принять и предвидеть будущие концептуальные изменения, то есть конца XX и начала XXI века. С другой стороны, альтернативой и оправдание новой административно-политической системы М.Н.Покровскому пришлось разрабатывать заказные концепции с целью формировать исторические взгляды. Однако в науке имеют право на существование разные концептуальные подходы, поскольку сегодня имеется много методов и методологии.

В этом ракурсе весьма было бы уместным на примере позиции М.Н.Покровского (хотя в его биографии много интересного, как он конъюнктурно менял собственную позицию – *И.М.*), отметить, что будучи редактором журнала «Историк-

марксист», в котором жестко подвергнул критике таких известных ученых-историков своей эпохи, как В.О.Ключевский, С.М.Соловьев, П.Г.Виноградов (несмотря на то, что он сам являлся учеником этих ученых), обвиняя их в классовой несовместимости, причислял их к «буржуазным историкам». Это объясняется тем, что сам М.Н. Покровский находился в рамке «...демократических иллюзий и экономического материализма» [21,254], что предопределило его будущие исторические взгляды. Однако, надо сказать, что он всегда лавировал в политических процессах и ориентировался на политическую конъюнктуру.

Одним из ключевых моментов в советском историописании и в исторических взглядах 20–30-х годов становится доминирование основной концепции разделения историков по классовым и национальным признакам, предложенной М.Н.Покровским. Надо отметить, что в период становления историографии и исторических взглядов нового строя или нового типа государственности всегда появляются новые тенденциозные моменты: во-первых, классовость; во-вторых, идеологическая расположенность; в-третьих, политическая направленность. Соответственно появление такого феномена является исторической потребностью.

Если посмотреть на зарю советской историографии, то есть на стадию становления новых тенденциозных моментов, весьма интересным окажутся суждения разных историков. Например, критике были подвергнуты и труды выдающегося историка-востоковеда, академика В.В.Бартольда [5,151]. Определяя национального историка, М.Н.Покровский аргументирует следующим образом: национальным историком может быть человек, по крови, языку, происхождению связанный со своим народом, или ученый, живущий в пределах государства [5,151].

Следует отметить, М.Н.Покровский на вершине своих эмоционально-патриотических чувств или же политического взлета, начинает смешивать научные концепции с определением личности как национального историка (как было отмечено его лавирования), тем самым он не создает концепцию, а создает тенденцию, поскольку, во-первых, для ученого нет границ, то есть для настоящего ученого-историка нет ни политического, ни культурно-националистического или географически

ТАРИХ

ограниченного пространства; во-вторых, в концептуальном отношении, насколько известно В.В.Бартольд являлся европацентристом; в-третьих, надо учитывать, что еще в те далекие годы такие концептуальные понятия были далеки от взглядов автора.

Надо отметить, что, несмотря на убеждения, и выдвинутую им научную концепцию, а также высокое научное положение, вскоре критике подверглись и труды самого М.Н.Покровского. Также надо заметить, что М.Н.Покровского критиковали и раньше, потому что он всегда менял собственную позицию, или можно сказать, он был конъюнктурным историком. Поэтому с 1938 года о М.Н.Покровском стали писать в негативном плане, называя его антимарксистом [5,163]. Но, не надо забывать и тот момент, что именно его концепция и тенденция, в стадии становления сыграли очень важную роль, поскольку историописание или исторические взгляды 20-30-х годов начали формироваться именно по покровской концепции.

Также важно отметить, что работы, написанные в 20–30-е годы, как правило, были небольшими по объему, так как сказывалось отсутствие фактического материала, это объясняется тем, что, во-первых, недоступность массива материалов, архивных, библиотечных; во-вторых, несформированностью исторической школы; в-третьих, предрасположенностью (предрассудки) индивидуализма. Соответственно проблема Средней Азии в составе Российской империи разрабатывалась слабо, хотя время от времени и появлялись интересные работы по отдельным вопросам темы.

Одним из крупнейших деятелей первой плеяды большевистских лидеров Октябрьского периода, позднее истребленных и сознательно забытых, был Георгий Сафаров (*Володин*). Он искренне верил в преобразующую миссию произошедшей революции для судеб народов Российской империи.

Примечательно, что одной из первых запрещенных книг, изданных в советское время, является талантливый труд Г.Сафарова «Колониальная революция (Опыт Туркестана)» [19], изданная в 1921 году в Москве.

Надо отдать должное, что Г.Сафаров, несмотря на политическую и идеологическую конъюнктуру, непосредственно занимая различные правительственные посты, по

нескольким моментам: во-первых, он точно подмечает, что гражданско-семейный быт и традиционная идеология стали дороги угнетенным массам как форма сохранения национальной культуры, как средство борьбы за национально-культурную самостоятельность. Во-вторых, говоря об исторической ретроспективе Туркестана до завоевания его Россией, он отмечает, что при невероятно низком уровне производства – земледелие, ремесла, занятие торговлей позволили даже накоплению капитала, драгоценностей и золота. Продолжая мысль, он пишет, «трагедия наших дней заключается и в том, что это первооснова рыночных отношений канула в небытие» [19,4], то есть, он убедительно доказывал положение Туркестана как колонии России. В-третьих, колониальная реальность в описании Г.Сафарова была гораздо прозаичнее и страшнее. Потому что он пришел к главному выводу – «**завоевание** территории Туркестана совершалось с помощью террора» [19,5]. Становится очевидным, что Г.Сафаров еще на заре Советского строительства, сознавая всю серьезность политико-идеологической конъюнктуры, выдвинул серьезную мысль, что Российская империя является «**империей зла**» для ее окраин.

А в 1927 году в Ташкенте была издана работа самого С.П.Покровского, где рассматривались политические связи России и Бухарского эмирата [5,155; 16], но на волне революционного духа, а тем более многообразной его позиции (как уже было отмечено, его позиционной изменчивости), в раскрытии данной проблемы, на примере Бухарского эмирата он давал предпочтение преувеличению российского фактора в Средней Азии.

Историческая наука не оставила без внимания этот важный и многогранный период. Еще в 50-х годах прошлого (XX) столетия виднейший русский, советский востоковед, крупнейший знаток восточных рукописных источников А.А.Семёнов, писал, что «...история освещения сношений России московского и даже царского периодов со среднеазиатскими ханствами все чаще остается неясной, хотя имеются труды посвященным этим ханствам» [20,85]. Естественно похвально, что на тот период и в современной исторической науке сделано многое. Во взглядах ученого не осталось без внимания и социальная жизнь дореволюционной Средней Азии [20]. Этим аспектам он посвятил несколько своих трудов,

например, «Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени», «Очерк поземельно-податного и налогового устройства Бухарского ханства».

А в 1929 году вышла работа Т.Р.Рыскулова [17] о Киргизии (в 1935 г. настоящая книга была переиздана). Несмотря на то, что народам, входившим в большой общий дом под названием СССР, им давалась возможность написать историю собственного народа. Но этот процесс шел под установленным порядком или же принятым нормативам, где лидирующую роль играли такие чуждые понятия, как: «русский брат» или «старший брат». Хотелось бы отметить, здесь у читателя может создаться мнение, что автор поддается националистическим чувствам, это отнюдь не так, поскольку это было исторической реальностью, только об этом преднамеренно умалчивали национальные историки, или же восхваляли в силу политико-идеологической конъюнктуры. Соответственно эти трактовки стали главным фактором написания лицемерной истории с преувеличением русской роли в национальных историях. Такой подход сам по себе приводил к историописанию **«наименьшего зла»**. Это исходило из общепринятой в то время концепции. Но, взять другой труд Т.Рыскулова – «Восстание туземцев Туркестана в 1916 году» [18,46-122]. В нём автор изъясняет совершенно другое мнение. Анализируя социально-экономические и политические предпосылки восстания, он сильно приближается к позиции **«империя зла»**.

В эти годы увидели свет и исследовательские труды В.Лаврентьева «Капитализм в Туркестане (Буржуазная колонизация Средней Азии)» [12], в котором он обращает внимание в основном на периодизацию среднеазиатского шелководства, шелкомотания и шелкоткачества во второй половине 60-х годов XIX в. Он отмечает, что эта отрасль развивалась на базе грены и кокон собственного производства. Но с 70-х годов XIX в. ткацкая промышленность вступила в фазу упадка, связанной с эпизоотией шелкопряда. После преодоления депрессии с 90-х годов XIX в. по 1910 г. произошел подъем шелководства. После 1910 г. вновь наметился упадок. Усилилась зависимость шелковой промышленности от рынка России, Италии и Франции. Из аргументов выявляется, что в его

взглядах вырисовываются контуры концепции **«империя наименьшего зла»**, или же экономическое закабаление со всеми из него вытекающими последствиями.

В трудах А.Апишева, К.Карпыча, И.Ходорова [2;5; 9;23] отражалась роль русской буржуазии, проникновение русского капитала, зачатка капиталистических отношений, национально-освободительное движение в Средней Азии, прогрессивные последствия присоединения, земельная реформа и т.д. В этих трудах отражается концепция **«наименьшего зла»**.

Проблеме колонизирования Средней Азии посвящена работа С.Д.Асфендиарова «История Казахстана» [3]. Автор, высказываясь против добровольного характера присоединения казахов, указал, что Казахстан был **«завоёван»**. К сожалению, в переходном периоде эти исследования в период формирования концептуальной направленности и исторических взглядов ничем не отличались от предыдущих идеологически конъюнктурных работ. Потому что до появления этих работ уже сложилась и утвердилась идеологическая концепция (имеется в виду марксистская – И.М.). Но, если быть повнимательнее, то можно обнаружить следующий момент: эти авторы запутались в собственных мнениях. Например, характеризуя общую картину колониального периода, сначала они отмечают наличие сопротивления и национальной борьбы, которые напрямую указывают на процесс **«завоевания»**. Но, с другой стороны, данный акт прикрывается национальной борьбой, который имеет не однозначный ответ. Потому что национальная борьба, главным образом, происходит в период нахождения в рамке той или иной политической или социально-экономической зависимости. Однако, главный вопрос, как основная фабула проблемы – **«империя зла»** или **«империя добра»** в период нахождения Средней Азии в составе Российской империи оставались открытым. Помимо этого, эти исследования еще далеки были от таких политизированных проблем, как – русифицировать, ассимилировать или христианизировать.

Исследования, вышедшие в 20–30-е годы, слабо учитывали социально-экономические предпосылки завоевания, недостаточно четко излагалось международное положение, соперничество России и Англии, тем более абсолютно отсутствовал китайский и турецкий фактор.

ТАРИХ

Заблудившиеся историки продолжали оставаться под влиянием так называемой «школы Покровского», которая считала расширение территории за счет окраин **«абсолютным злом»**. И это играло важную роль в формировании национальных исторических концепций и взглядов. В этой связи уместно вспомнить слова А.А.Семенова, о том, что – история из центра приходила только для того, чтоб поправить наши мозги.

Работа П.Г.Галузо «Туркестан – колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 г.)» [7]. В первоначальном своем наброске она представляла собой доклад в семинаре Н.А.Рожкова, а после его смерти С.М.Дубровского в Институте Красной Профессуры. Затем данный доклад был доработан и представлен в Научно-Исследовательскую Ассоциацию Востоковедения при Коммунистическом Университете Трудящихся Востока им. И.Сталина. Вопрос, поставленный в заголовке, конечно, же не исчерпан, однако изначально, как отмечает сам автор, при том формате (достаточности материала, идеологической планки, политической конъюнктуры – *И.М.*) в целом разработки темы невозможно достичь. Несмотря на то, что по мере возможности использования широкого круга материалов (архивные и печатные материалы, хранящиеся в Среднеазиатском Архиве) имеются довольно ощутимые упущения. Например, во-первых, автор абсолютно исключает вопрос Хивинского и Бухарского ханств. Во-вторых, из-за недоступности материалов из его виду отпадает Закаспийская область самого Туркестанского генерал-губернаторства. В-третьих, который является главным, поскольку она является стержнем по исследуемой нами проблемы, то есть *характер* нахождения Средней Азии в составе Российской империи, которую он характеризует следующим образом, Средняя Азия была – **«завоевана»** [7,11]. Помимо этого, он дает экономическую характеристику и подчеркивает, что в центре экономических интересов России, толкавших ее на завоевание Средней Азии, стояли интересы русской торговой буржуазии. В целом, его исследование можно свести к трем основным критериям: 1) лишение народов края политической самостоятельности – завоевание; 2) экономическое подчинение края России; 3) национально-освободительное движение [7,11].

Колониальная политика царизма, отрицание прогрессивных последствий

включения народов Средней Азии в состав Российской империи имели место и в других исследованиях предвоенного периода. Например, в труде Н.Н.Ванага [6], где он отмечает - о грабительской колониальной политике царизма и развитии национально-освободительных движений. Однако, и ему были присущи те черты, то есть конъюнктурность, которая присутствовала у многих историков «центристов» (имеются ввиду историки из центра – *И.М.*).

Е.Л.Штейнберг [22] отмечал, что – «Политика царизма на Востоке носила агрессивный, захватнический и определялась интересами эксплуататорских классов России – помещиков и капиталистов. Однако несомненно, что царское правительство даже в этот период быстрого продвижения в Средней Азии ставило себе ограниченные, реально выполнимые задачи». Или аналогичный характер имеет и работа С.А.Пионтковского [14], в своих работах проповедовавшего исключительно оккупационный, колониальный характер русской власти в Средней Азии.

В геополитическом плане, главным образом, вопросы англо-русских отношений в Средней Азии, затронуты в исследовании З.Д.Кастельской, например, «К истории англо-русского соперничества в Средней Азии (с первой половины XIX века по 1907 г.)» [5,160; 10]. В своей работе она последовательно утверждала, что агрессия Великобритании в странах Среднего Востока была вызвана опасениями, причем «ненаправленными» относительно планов России в этом регионе. Англо-иранские и англо-афганские войны, по ее мнению, были во многом спровоцированы политикой России, для которой эти страны, как и Средняя Азия, являлись плацдармом против Индии. Наряду с политико-дипломатическим аспектом, автор уделяет особое внимание на административное устройство колониального Туркестана. Рассматривая данный аспект, отмечает, что на практике устройство Туркестанского генерал-губернаторства имело более сложный характер. «...Искусственно раздробив Туркестан на уезды и области, – пишет З.Д.Кастельская, – они (русские) объединили в них представителей различных народов и натравливали эти народы один на другой. Эта искусственная национальная раздробленность была выгодна царизму, так как препятствовала всякому самостоятельному национальному развитию...» [10,33]. Поскольку в имперской политике «...этничность должна была стать служанкой его колониального

правления [24,46]. Из ее аргументаций следует сделать вывод, что империя имела характер «зла», и русский приход в Среднюю Азию сопровождался – «завоеванием».

Итак, суммируя высказанное можно сказать следующее, что на заре советской историографии, охватывавшего период с 1917 до примерно середины 30-х годов XX века, был периодом разработки новых подходов. На этом отрезке мы видим становление молодой марксистско-советской науки, новых концепций и исторических взглядов. Она характеризуется отрицанием прежних дореволюционных

положений исторической науки, критикой устаревших, с точки зрения марксизма, концепцией дореволюционной историографии, которая была объявлена «дворянско-буржуазной». Ученые-историки, не вписывающиеся в систему марксистской идеологии, подвергались жестокой критике. К сожалению, это было общим официальным направлением советской науки, где не было места для других взглядов, если и имело, тосторонников таких взглядов обвиняли в «инакомыслии» или «антисоветщине».

Литература:

1. Алимova Д.А. История и историческое сознание. В 2-томах. Т. 1. – Т.: Узбекистан. 2008.
2. Анишев А. Пути социалистического переустройства хлопкового хозяйства. – М., 1930.
3. Асфендиаров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен). Т. 1. – Алма-Ата, 1934.
4. Борьба классов. – 1924. №1–2.
5. Брежнева С.Н. Присоединение Туркестана к России: дискуссионные проблемы дореволюционной и советской историографии. – Тольятти, 2004.
6. Ванаг Н.Н. Краткий очерк истории народов СССР. Ч.1. – М., 1932.
7. Галузо П.Г. Туркестан – колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 г.). – Т.: 1935.
8. Исхаков Ф. Национальная политика царизма в Туркестане (1867 – 1917). – Ташкент: Фан, 1997. – 399 с.
9. Карпыч К. К истории завоевания Туркестана российским капитализмом // Туркменоведение. – Ашхабад. 1929. № 10–11.
10. Кагельская З.Д. К истории англо-русского соперничества в Средней Азии (с первой половины XIX века по 1907 г.) // На зарубежном Востоке. 1934, № 2.
11. Кагельская З.Д. Из истории Туркестанского края (1865-1917). – М., 1980.
12. Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане (Буржуазная колонизация Средней Азии). – М., 1930.
13. Очерки по истории государственности Узбекистана / Отв. ред. Д.А. Алимova и Э.В. Ртвеладзе. – Т.: Шарк. 2001.
14. Пионтковский С.А. Очерки истории СССР XIX и XX веков. – М. – Л., 1935.
15. Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов //Избранные произведения в 4-х книгах. – М.: Мысль. 1965. Кн. 2.
16. Покровский С.П. Международные отношения России и Бухары в дореволюционное время и при советской власти – до национального размежевания среднеазиатских республик //Бюллетень Среднеазиатского гос. унив. – Т.: 1928. Вып. 17.
17. Рыскулов Т.Р. Кыргызстан: Соцэкгиз. – М., 1929.
18. Рыскулов Т. Восстание туземцев Туркестана в 1916 году /Очерки революционного движения в Средней Азии. Сборник статей. – М., изд-во К.С.С.Р., 1927. – 124, [1] с.: табл.; 26 см.
19. Сафаров Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана). – М.: Госполитиздат, 1921.
20. Семенов А.А. К истории дипломатических отношений между Россией и Бухарой вначале XIX в. //Известия АН УзССР. 1951. №11. С.85-95. Семенов А.А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства //Труды САГУ. Ташкент. 1929. Вып. 1.
21. СИЭ. Т.11. – М.: Советская энциклопедия, 1968.
22. Штейнберг Е.Л. Очерки истории Туркмении. – Ашхабад. 1934.
23. Ходоров Х. К вопросу об исторической эволюции землевладения в Туркестане // Историк-марксист. 1929. №10.
24. Brower Daniel. Turkestan and the Fate of the Russian Empire. – London; New York: Routledge Curzon, 2003.